

Глава 3

Дома

A decorative flourish consisting of a complex, interlocking knot-like pattern with ornate, swirling lines extending from the sides.

Посвящённая Елене Гримо
Stéphane MEER, 16/04/2007

Дома

Елена дошла до дому. Открыла скрипучие ворота и пошла через заросший высокой пожелтевшей травой сад. Рука садовника так давно не касалась деревьев и кустов, что весь сад больше походил на огороженный кусок леса. Дом тоже был не слишком ухоженным: черепица кое-где осыпалась, краска облупилась, плющ в некоторых местах понимался до самой крыши, водосточные желоба забились нападавшими в непогоду листьями. Зато внутри было тепло. Толстые каменные стены не пропускали холод, и одного центрального камина хватало на весь дом. Елена поздоровалась с дедушкой – он сидел у огня – и поднялась на второй этаж. К себе она заглянула только на минуту, чтобы оставить портфель, ей не терпелось поскорее сесть за рояль.

Большой концертный рояль красовался посередине просторного зала. Вокруг стояли стулья и пюпитры, некоторые с партитурами. Вечерний свет проникал через небольшое окно над головой пианистки и падал так, что тень не заслоняла ноты.

Все в этой комнате располагало к торжественной сосредоточенности, это был настоящий храм вечной, великой музыки, мощью своей превосходящей человека и возносящей души к небесам.

Елена поставила ноты на пюпитр, села на обтянутую плюшем банкетку и закрыла глаза. Таково обыкновение лучших исполнителей: сначала вслушаться, а уж потом начать играть. Вот и она прослушала внутренним слухом всю свою партию, от начала до конца, все тональности различались для нее по цвету, все оттенки звука – по весомости, как порхание птицы, бег льва или поступь слона. Викторию Канта, ее отец, несравненный дирижер, научил ее чувствовать чистую музыку, не связанную с материальным устройством инструментов. Музыка не должна зависеть от деревянного или медного предмета, она должна исходить из сердца музыканта, и это свое внутренне видение он пытается как можно более точно

воспроизвести с помощью инструмента.

Когда Елена наконец поднесла руки к клавишам, она была готова, в ней уже жил ясный и точный образ музыки, которую предстояло сыграть и которая предъявляла ее великолепному роялю неумолимые требования. Какое счастье, какое облегчение покинуть реальный мир и погрузиться в полуявь-полусон, где нет ничего невозможного и все проникнуто божественной красотой и радостью. Там царит любовь, там неистовство может быть прекрасным, а разногласия могут завершиться гармонией, как в мире дикой природы до появления человека, когда главным законом было всеобщее равновесие.

Но что-то помешало Елене начать игру, что-то было не так! Она вскочила, вбежала в свою комнату – что-то не так! Ей показалось, что мебель расставлена неправильно, комод стоит не по центру. Она навалилась на него и стала изо всех сил толкать влево. Сдвинула, отошла, посмотрела – теперь надо правее!

Пришлось двигать в другую сторону, пока комод не встал точно посередине. Потом она заметила, что щетки, тюбики и стаканы на полочке над умывальником расставлены несимметрично, и долго переставляла их, пока не нашла самую лучшую комбинацию. Потом открыла платяной шкаф и обнаружила – о ужас! – что стопки белья сложены неровно. Одни выше, другие ниже, некоторые стоят слишком тесно друг к другу, не соблюдая интервала. Это невыносимо, нестерпимо, какая может быть музыка, если в комнате беспорядок, полный кавардак! Елена долго возилась, пока не выровняла все стопки в высоту и ширину, и тут – новое несчастье! Уже закрыв дверцу шкафа, она увидела на стуле еще целую кучу небрежно набросанной одежды – придется все переделывать!

Елена не выдержала, рухнула на кровать и разрыдалась. Исчезновение родителей, наваждения, голоса, насмешки одноклассников – за что ей все это! Она чувствовала себя слабой, одинокой, неспособной справиться ни с музыкой, ни с жизнью, ни с самой собой, игрушкой могучих враждебных сил; слишком много бед свалилась на хрупкие плечи четырнадцатилетней девочки.

Между тем, она была так щедро одарена от природы. Красивая, статная, наделенная тонким блестящим умом и необыкновенной артистичностью; взгляд ее больших голубых глаз завораживал, действовал как удар тока. Все выдавало страстную натуру, говорило о бурной внутренней жизни; казалось, достаточно было малой искры, чтобы вызвать взрыв эмоций.

Но гениальность оборачивалась безумием, страстность – отчаянием, стремление к совершенству – страданием, все смешивалось в этой неповторимой личности, терзаемой душевной смутой.

Чтобы привести все в порядок, потребовалось много времени. Елена страшно устала.

На улице совсем стемнело, за окошком в зале виднелись черные силуэты деревьев

на холме, тянувших крючковатые ветви к луне.

Погрузиться в музыку, отдаться ее течению было так же отраднo, как окунуться в теплую расслабляющую ванну. Елена закрыла глаза, и очень скоро ей стало казаться, что пальцы ее играют на всех инструментах оркестра. Контрабасам вторили фаготы, виолончели и альты, по временам струнные и деревянные духовые вступали слаженным хором – все это вмещалось в партию левой руки. Правая, пробегая по всей клавиатуре, оживляла то прихотливые флейты, то переливчатые арфы. Когда же обе руки взлетали и с силой ударяли по клавишам, мощь оркестра усиливалась рокотом литавр, звоном сияющих тромбонов, туб и труб и фейерверком медных тарелок.

Упоение звуками и красками было похоже на гипнотический транс, которому хотелось подчиниться и отдаться безраздельно. Елена словно парила в свободном падении, растекалась в воздушных токах. Ей вдруг показалось, что из-под пальцев льются совсем другие звуки. Инструменты слышались уже не внутри, а снаружи, окружали ее со всех сторон.

Доиграв до конца музыкальной фразы, она открыла глаза. И увидела, что находится в огромном готическом соборе. За спиной играл большой симфонический оркестр, а прямо перед ней вместо пианино был церковный орган, трубы которого тянулись на много метров вверх, к самому своду.

